

Отчет по проекту
«Античная эпистемология:
элеаты, софисты, Платон в новых интерпретациях»
за 2019 год

Руководитель проекта – д.филос. н. М.Н. Вольф

Коллектив приступил к работе в мае 2019 года. Работа по систематизации интерпретаций, касающихся эпистемологии элеатов, софистов и «среднего» Платона позволила выделить основные элементы эпистемических доктрин, объединяющих эти направления, и наметить базовый подход к осмыслению феномена античной эпистемологии.

Прежде всего мы определились, что именно мы понимаем под эпистемологией. В свете современных исследований по эпистемологии мы согласны, что эпистемология должна пониматься шире, чем теория познания. В этом качестве она учитывает не только результаты, касающиеся природы знания, соотношение истины и мнения, проблемы обоснования и пр., но подразумевает решение смежных проблем из других областей, онтологических, практических, морально-этических, эстетических и в таком случае следует в равной мере говорить об эпистемологии морали, эпистемологии ценностей, добродетелей и познании моральных норм, ценностей и т.д. отличным или сходным с познанием физического мира образом. В зависимости от того в какой области лежит полученное знание и какие способы решения проблем предлагаются, вырисовываются и соответствующие эпистемологические теории (в современной эпистемологии – это фундаментализм, когерентизм, прагматизм, интернализм, экстернализм, эвиденциализм, контекстуализм, релайабилизм, реализм, натурализм, деонтологизм, скептицизм и др.). Однако это в свою очередь влечет проблему эпистемического плюрализма и возникает задача достижения эпистемического единства, подразумевающая унификацию или систематизацию указанных направлений, сведение их к одному или хотя бы немногим основаниям. Античная эпистемология наилучшим образом подходит в кандидаты на образец искомого «эпистемического единства».

Действительно, все чаще попадая в поле зрения историков античности, античная эпистемология признается как феномен античной интеллектуальной культуры, однако ее теоретический ландшафт ограничен в теории познания только самой теорией познания и значительно за пределы вопросов о приверженности корреспондентной теории истины, различении чувственно-воспринимаемого и умопостигаемого познания, практического и теоретического не выходит. Квинтессенцией античной теории познания являются теории Платона и Аристотеля, однако и они принимаются как задающие определенные рациональные стандарты, т.е. в них в качестве базовых оснований принимаются различия истины и мнения с приоритетом на истину (эпистему), и устанавливается способ истинного познания через соответствие мысли (высказывания) с действительностью (подлинным существованием) (то, что мы называем «реляционной теорией мышления», хотя она помимо «тождества бытия и мышления» подразумевает более широкое поле для осмыслиения, включая отношение мышления не только к сущему, но и к несущему, к относительному существованию и пр.), где корректность такого соответствия осуществляется через устранение противоречий в высказываниях, прежде всего посредством законов логики (законов мышления) или дедуктивного метода (правил силлогистической логики). Все остальные способы считаются либо не философскими, либо не корректными, что, впрочем, в рамках обычных интерпретаций такой эпистемологии тождественно.

В 20-м веке традиционная эпистемология переживает две серьезных атаки – со стороны У.В.О. Куайна и Р. Рорти; причем во втором случае это был не столько пересмотр оснований эпистемологии, сколько возражение Куайну. В качестве альтернативы

нормативному подходу в эпистемологии У. Куайн формулирует принципы натурализованной эпистемологии, согласно которым на смену традиционной модели познания, отталкивающейся от принципов и оснований математики, приходит модель эпистемологии в ее психологическом облике. Можно сказать, в жесткой борьбе теории познания с эмпирической психологией у Куайна победила психология. Фактически натурализованная эпистемология Куайна порождает дескриптивную эпистемологию, противопоставленную классической нормативной: если нормативная придерживается определенных стандартов знания, то дескриптивная показывает, как это знание приобретается, и главный ее фокус будет ориентирован на отображение процесса получения знания. При этом процесс обоснования знания тоже захватывается – и в случае обоснования знания мы также различаем два подхода – один где знание обосновано самими базовыми принципами, соответствует стандартам, другое – где обоснованием является процедура или процесс верbalного ответа на вызов в определенном ситуативном контексте.

Несмотря на то, что два подхода к эпистемологии сегодня существуют вполне равноправно, тем не менее дескриптивный подход не спешат применять к античной философии. До сих пор философские концепции, не соответствующие нормативному взгляду, расценивались либо как элементы эволюции некоторых взглядов, которые в конечном итоге приведут к классическому (нормативному) подходу, либо как просто ложные, как заблуждения, которые никогда не приведут к нормативному и тем самым не являются философскими, поскольку не разделяют главных (стандартных) философских интенций. Таковыми всегда считались софисты, и мы этот подход намерены пересмотреть в ходе работы над проектом.

Все вышесказанное позволило нам вывести те основные параметры, на основании которых мы будем говорить об античной эпистемологии и те концепции, на которые будет обращено особое внимание. Перечислим их: понятие апории и эупории часто сопрягаемые с задачей или проблемой, которая либо сформулирована так, чтобы показать затруднение в решении при принятых посылках, либо продемонстрировать решение соответственно; с ними напрямую связаны вопросы метода и прежде всего гипотетического метода, который находит свое окончательное оформление у Платона, в первую очередь в средних диалогах; ограничение на принцип непротиворечия для допущения таких сущностей или условий, которые способны существенным образом изменить результат поиска, особенно в ситуации проблемы с двумя неизвестными (как это было сделано в диалоге «Менон» в Платона, когда речь идет о двух неизвестных «Что есть благо?» и «Что есть добродетель?», или у Горгия в рассуждении «о сущем и не-сущем вместе», перенесенном Платоном в рассуждении об обосновании существования единой или расщепленной (для интеллигibleного и физического) онтологии в «Пармениде»).

Данные позиции обсуждались на семинарах рабочей группы с участием основных исполнителей по проекту, а также на более широкой публике с участием специалистов в области логики и теории познания ИФПР СО РАН и Философского факультета ТГУ. Эти рассуждения были представлены в докладе М.Н. Вольф на Региональном логическом симпозиуме «Парадоксы и ортодоксы» (Новосибирск, ИФПР СО РАН, 13 мая 2019), на конференции «Классическая традиция и современная философия в диалоге» (<https://nsu.ru/classics/news/dialogue-conf-2019.pdf>), которая состоялась 23-26 октября в Новосибирске.

Мы планировали начать работу по вычленению и систематизации аргументов Парменида, Зенона Элейского, Мелисса, Горгия и наследующие им аргументы Платона, с тем, чтобы продемонстрировать наличие единой проблемной дискуссии. Данное единство мы постарались представить через гипотетический метод Платона, который, по крайней мере в средних диалогах, признается в качестве главного, если не единственного способа аргументации (согласно Scolnikov S. Plato's Method of Hypothesis in the Middle Dialogues. Ed. and with introduction by Harrold Tarrant. Baden-Baden, 2018. P. 43). Интерес к этому

методу в рамках проекта обусловлен указанной выше установкой, что в рамках дескриптивной эпистемологии важна демонстрация того как приобретается знание, и как отображается процесс получения знания. Гипотетический метод в полной мере соответствует этой задаче.

Мы показали, что в отношении гипотетического метода, как он видится в итоге дискуссий о нем на конец 20-го века, можно заключить, что в отношении средних диалогов Платона и использования и представления в них этого метода, хотя и установился некоторый консенсус, основные проблемы не были решены, скорее уточнены и по крайней мере слажены (главными участниками дискуссии были обозначены Ричард Робинсон, Самуэль Скользников, Василиос Карасманис). Во-первых, исследователи признали, что задача гипотетического метода – это решение некоторой проблемы (в частности, можно ли научить добродетели, установление бессмертия души из признания идей причинами и т.д.), и установление истинности некоторого частного вопроса, т.е. вопроса, специфического для конкретного диалога, в котором этот вопрос ставится (что такое добродетель, существуют ли идеи, как работает закон противоречия). Во-вторых, относительно процедуры, целей и структуры метода мнения разделились в соответствии с проблемой «Является ли гипотеза пропозицией, подлежащей доказательству, или пропозицией, принятой для доказательства чего-то другого; является ли она предпосылкой или демонстрацией?» С одной стороны, его цели предполагают обнаружение гипотезы (суждения), из которой можно вывести некоторые следствия для некоторого тезиса и установления его истинности. Здесь проблема состоит в следующем: гипотеза это – а) суждение, которое следует доказать (доказательство истинности самой гипотезы), или б) суждение, которое доказывает нечто иное. С другой стороны, это так называемая процедура «гипотизирования высших гипотез», напрямую связанная со структурой метода и структурой аргументации, в которой он и представлен. Установление «высших» гипотез, то есть таких, которые условно предшествовали некоторому выводу, который дается готовым в рассуждении, и представляет собой исходную обсуждаемую гипотезу, делается на основании реконструкции посылок, которые предшествуют формулировке этой базовой имеющейся гипотезы. Такие цепочки гипотез можно формулировать до тех пор, пока не будут обнаружены самые «высшие» гипотезы, которые будут претендовать в кандидаты на первые принципы. Процедура «гипотизирования высших гипотез» реализована в такой структуре, которая отражает последовательность внутренних шагов, демонстрирующих связь между гипотезами и следствиями из них, а также направление рассуждения: «вниз», от гипотезы к тезису, который будет отражать решение проблемы и, в случае, если проблема будет решена, а не только эксплицирована, будет отражать некоторую истину, и «вверх», от низших гипотез к высшим, кандидатам на первые принципы. В этом случае проблема также остается: гипотеза – это а) предпосылка, которая предшествует выводу, который дан готовым, или б) дедуктивная демонстрация, из которой выводятся следствия, проверяемые на непротиворечивость.

Структура метода в «Пармениде» кардинально отличается от остальных его проявлений, в частности, в средних диалогах Платона. В отличие от канонического гипотетического метода, метод в «Пармениде» нацелен не на установления следствий из гипотез, а на оценку истинности самих гипотез, что резко расходится с исходной интерпретацией метода у Р. Робинсона, который полагал, что Платон никогда не пытается установить истинность самих гипотез, но всегда – истинность чего-то еще (посылок, суждений) (Robinson R. Plato's Earlier Dialectic. Cornell University Press, Robinson, R. (1941) Plato's Earlier Dialectic. Cornell University Press, 1941. P. 116).

В этом плане интерес представляет представленная на обсуждение на Симпозиуме Международного платоновского общества «Plato's Parmenides – Le Parménide de Platon» в июле 2019 г. в Париже статья Эвана Родригеса, посвященная гипотетическому методу в «Пармениде». Родригес называет модификацию метода в «Пармениде» «исследованием обеих сторон», и его особенность в том, что он оценивает истинность не только самой

предложенной гипотезы, но и ее противоположной версии (одно/многое; сущее /не-сущее), а также в том, что производится оценка следствий из гипотезы, а не поиск предпосылок для нее, что в большей степени соответствует направлению «вниз» и дедуктивной версии метода. С одной стороны, Родригес пытается произвести перезагрузку гипотетического метода, вписав в него и особенности версии Парменида, но с другой стороны, он, пожалуй, не до конца отдает себе отчет в том, что, переформулировав гипотетический метод в «исследование обеих сторон», он делает существенный шаг назад. Дело в том, что в таком виде этот метод мало чем будет отличаться от «специального доказательства» Горгия, о котором Аноним (MXG 979a20-25), цитирующий речь Горгия говорит, что оно отличается от доказательств его предшественников тем, что если те говорили каждый противоположное, то Горгий говорит двояко, исследуя «то и другое вместе» (т.е. «сущее и не-сущее одновременно», «одно и многое одновременно»), и до него этот ход никто не использовал. Платон в Пармениде этот метод «специального доказательства» приписывает элейцам, а Родригес включает его в число методов, обладающих определенным фамильным сходством, которые все вместе можно назвать гипотетическими.

Содержание исследования представлено в статье:

Вольф М.Н. Гипотетический метод Платона: стоит ли возобновлять дискуссию? // *Schola*. 2020. № 1. С. 246–256.

Мы рассмотрели применение концепции «реляционной теории мышления» к наследникам доктрины Парменида, направив фокус внимания на обсуждение аргументов против множественности сущего у элеатов. Мы исходили из того, что эти аргументы остаются недооцененными философами, математиками, логиками и физиками, которые предлагают решения апорий Зенона с использованием современных технических средств, но не учитывают следствий из самих апорий для современных эпистемических дискуссий.

Стандартные трактовки аргументов Зенона Элейского против множественности сущего либо приписывают Зенону грубые ошибки при работе с бесконечными множествами, либо приписывают ему естественную, но не единственную возможную аксиоматику континуума, ведущую к парадоксам. В любом случае аргументы Зенона в стандартной трактовке имеют дело исключительно с континуальным сущим.

Проблемой в такой трактовке (и, тем самым, основной проблемой, побудившей нас провести изложенное в настоящей статье исследование) является то, что в одном из аргументов из 29 В 3 DK не упоминается континуальность анализируемого Зеноном сущего. Приведём интересующий нас аргумент: «Если многие [сущие] суть, [то] сущие бесконечны [по числу], ведь всегда в промежутке другие сущие суть, и опять в промежутке между этими [исходными и промежуточными сущими] – другие. Итак, сущие бесконечны [по числу]».

Стандартная интерпретация фрагмента 29 В 3 DK весьма наглядна. Представим себе протяженное тело, скажем, отрезок АВ. Между точками А и В имеется точка С, между точками А и С – точка D, между точками С и D – точка Е, и т.д. до бесконечности. Таким образом, в современных терминах, Зенон утверждает, что в силу плотности рассматриваемого им множества точек, которые принадлежат анализируемому им протяженному объекту, число таких точек бесконечно. Это утверждение, разумеется, истинно с точки зрения современной теории множеств. Однако из этого еще не следует, что сложный (понимаемый как протяженный) объект не может существовать. Для этого утверждения необходимо принять дополнительное допущение о невозможности существования множеств, содержащих бесконечное число объектов.

В нашей альтернативной или нестандартной интерпретации множественный объект не рассматривается как континуум или как плотное множество. Вместо этого, в ней утверждается, что сложный объект, содержащий конституенты произвольной природы, содержит также и то, что их связывает, соединяет в одно целое, то, благодаря чему сложный объект является чем-то одним, причину единства его конституент. Это связывающее нечто

и исходные конституенты, в свою очередь, нуждаются в другом связывающем, отличном от первого, чтобы придать единство сложному объекту, второе связывающее нуждается в третьем связывающем, чтобы связать его с первым связывающим и с исходными конституентами, чтобы придать единство сложному объекту, и т. д. до бесконечности. В случае такой интерпретации у нас есть возможность гораздо более внятно, чем просто ссылкой на невозможность бесконечного множества или невозможность выполнения бесконечной последовательности действий или условий, объяснить невозможность существования сложного объекта. Дело в том, что в случае нестандартной интерпретации, казалось бы, очевидное и совершенно невинное допущение, что сложный объект содержит каждую из своих конституент, приводит к противоречию. Это означает, что в случае нестандартной интерпретации невозможность существования сложного объекта действительно хорошо обоснована, ведь обоснование исходит из выглядящих весьма правдоподобными посылок и является формально корректным.

Таким образом, при исследовании вопросов, касающиеся аргументов Зенона Элейского против движения и против множественности сущего, использующих бесконечный регресс, было показано, что для понимания философской значимости фрагмента Зенона Элейского 29 В 3 DK, содержащего аргумент против множественности сущего, недостаточно учитывать только наиболее очевидные и естественные его интерпретации. Анализ менее очевидных интерпретаций позволил нам увидеть, что некоторые проблемы с семантикой сообщений о пропозициональных установках возникают из-за регресса, родственного регрессу у Зенона. Это позволило нам указать на необходимость пересмотра сложившегося понимания философской значимости 29 В 3 DK. Было показано, что мы уже не можем просто сказать, как это делается в современных обсуждениях аргументов Зенона, что эти аргументы более не представляют интереса из-за того, что Зенон не учитывал следующие соображения: (1) наличие бесконечного числа точек, лежащих на отрезке, не является доводом против существования этого отрезка, и (2) возможна топология, в которой размерность отрезка, на котором лежит несчетное бесконечное множество точек, не равна 0.

С точки зрения современных интерпретаторов, в 29 В 3 DK генерируется банальный и безвредный регресс диахотомически делящих отрезок точек. Поскольку регресс безвреден, предположительно доказываемый Зеноном тезис (что множественное сущее невозможно) остается недоказанным – в силу (1). И даже если бы доказательство Зенона имело силу, то в нём доказывалась бы не невозможность произвольного множественного сущего, а только сущего, имеющего величину. Со своей стороны, мы предлагаем более доброжелательную по отношению к Зенону трактовку 29 В 3 DK, в соответствии с которой здесь генерируется порочный регресс конституент сложного объекта, объединяющих предшествующие конституенты в единый объект.

Что касается (2), то оно является доводом против другого аргумента Зенона – из 29 В 1 DK: «Таким образом, если многое существует, то они должны быть и малыми, и большими: с одной стороны, настолько малыми, чтобы [совершенно] не иметь величины [в сумме, если каждая часть, получившаяся после бесконечного числа актов деления исходного сущего, имеющего конечную величину, имеет нулевую величину]; с другой стороны, настолько большими, чтобы быть [в сумме] бесконечными [по величине, если каждая часть, получившаяся после бесконечного числа актов деления исходного сущего, имеющего конечную величину, имеет конечную ненулевую величину]».

Современные средства «топологической теории размерностей» позволяют аннулировать этот аргумент с помощью довода (2) (см. Grünbaum A. Zeno's Metrical Paradox of Extension // Zeno's Paradoxes. Indianapolis: Hacklett, 2001. P. 180–181). Но, опять, даже если бы аргумент Зенона имел силу, он был бы направлен только против множественности сущего, имеющего величину, а не множественного произвольного сущего.

Что же касается нашей интерпретации доказательства тезиса Зенона, то это доказательство оказывается вполне валидным, и соображения (1) и (2) не являются

доводами против него, поскольку говорят о проблемах корректного задания континуума, о котором в нашей трактовке аргумента Зенона речь не идет.

Наша трактовка 29 В 3 DK состоит в том, что аргумент Зенона является предшественником следующего аргумента, который в прилагаемой к отчету статье – Берестов И. В. Связь аргумента Зенона Элейского из 29 В 3 DK с современной семантикой и платоновским *peritrope* – изложен более формально. Аргумент основывается на утверждении, что если сущее множественно, то имеют место положения (3) и (4). Но из (3) и (4) выводится противоречие. Значит, сущее не множественно.

Положение (3) можно сформулировать следующим образом: Если несколько вещей a , b , ... связаны друг с другом связью $N1$ в сложный объект A (при этом $A \neq a$, $A \neq b$, ..., $a \neq b$, ..., $N1 \neq A$, $N2 \neq a$, $N1 \neq a$, $N1 \neq b$, ...), то имеется связь $N2$ такая, что все эти вещи a , b , ... и связь $N1$ связываются друг с другом связью $N2$ (причём $N2 \neq N1$, $N2 \neq A$, $N2 \neq a$, $N2 \neq b$, ...).

Положение (4) можно сформулировать следующим образом: Каждый объединитель, объединяющий конституенты сложного объекта, присутствует в этом сложном объекте, т.е. является его конститутентой. Положение (4) эквивалентно следующему положению, которое можно назвать «принципом полноты» сложного объекта: если имеется сложный объект, содержащий конституенты, то имеется кортеж объединителей конститутент сложного объекта, такой, что не существует ни одного объединителя, не принадлежащего этому кортежу.

Мы указали на статью Meinertsen B. A Relation as the Unifier of States of Affairs // *Dialectica*. 2008. Vol. 62, iss. 1. P. 1–19, в которой был предложен способ блокировать регресси того вида, под который подпадает регресс из 29 В 3 DK в нашей интерпретации. Однако, как мы показали, этот способ до сих пор остаётся весьма дискуссионным. Также мы указали на некоторые проблемы современной семантики пропозициональных установок (Bach K. Do Belief Reports Report Beliefs? // *Pacific Philosophical Quarterly*. 1997. Vol. 78. P. 215–241) и семантики языка мысли (Atherton M., Schwartz R. Linguistic Innateness and Its Evidence // *Journal of Philosophy*. 1974. Vol. 71, no. 6. P. 155–168, критикующие гипотезу о языке мысли из Fodor J. A. *The Language of Thought*. N. Y.: Crowell, 1975. x+214 p.), которые могут быть изложены с помощью модифицированных посылок из нашей интерпретации 29 В 3 DK. Кроме того, мы показываем, что вариант модифицированного аргумента из нашей интерпретации 29 В 3 DK позволяет представить атаку Платона на тезис *homo mensura* Протагора в *Theaetetus* 170c–171c в более выгодном свете, чем это признается современными интерпретаторами (Chappell T. D. J. Reading the *peritrope*: *Theaetetus* 170c–171c // *Phronesis*. 2006. Vol. 51, iss. 2. P. 109–139; Burnyeat M. *Protagoras and Self-Refutation in Later Greek Philosophy* // *Philosophical Review*. 1976. Vol. 85. P. 44–69; Zilioli U. *Protagoras and the Challenge of Relativism: Plato's Subtlest Enemy*. Aldershot: Ashgate, 2007. xii+160 p.).

Данные положения были представлены на конференции «Классическая традиция и современная философия в диалоге» (<https://nsu.ru/classics/news/dialogue-conf-2019.pdf>), которая состоялась 23–26 октября в Новосибирске, а также и изложены в статье:

Берестов И.В. Связь аргумента Зенона Элейского из 29 В 3 DK с современной семантикой и платоновским перитропой // Вестник Томского государственного университета. 2020. С. 54–63.

Было проведено исследование проблемы протагоровского релятивизма, выраженного в тезисе/доктрине «человек – мера» (*anthrōpos metron* или *homo mensura*) (НМ). Планировалось представить анализ фрагментов Платона, где он представляет и обсуждает этот тезис («Теэтет»), дать анализ позитивной и негативной формулировки НМ. Анализ связи НМ и теории античного восприятия и судьба холистических допущений элеатов в *homo mensura* Протагора и в тезисе Горгия о невозможности помыслить то же, что и кто-то другой оставлены на 2020-й год.

Соответственно по данному пункту были рассмотрены различные интерпретации понятия «меры» в тезисе Протагора (ТП) «Человек есть мера всех вещей». Главной задачей было показать каким образом «мера всех вещей» трансформировалась в «критерий истины». Ответ на этот вопрос можно найти в «Теэтете» Платона и в двух трактатах Секста Эмпирика – «Против ученых» и «Трех книгах Пирроновых положений». В «Теэтете» Платон рассказывает о так называемой «тайной доктрине Протагора». Согласно Уго Дзильоли, это учение представляет собой сильную версию релятивизма (a robust version of relativism), охватывающую различные его типы: релятивизм истины, релятивизм бытия, релятивизм знания. Показано, что критика Платоном релятивизма Протагора ведется по трем основным направлениям, которые представлены следующими группами аргументов: 1) против возможности выразить онтологию потока средствами языка, 2) против отождествления знания и ощущения, 3) против относительности истины всех суждений индивида, т.е. против субъективизма. Третья группа аргументов выявляет скрытое противоречие в ТП. Сначала в ТП Платон заменяет «быть мерой» на «быть судьей (κριτής)». Получается, что если я судья всем существующим для меня вещам, что они существуют, и несуществующим, что они не существуют, тогда никто не может судить о состоянии другого (Tht. 160c). Такая интерпретация отрицает возможность экспертной оценки состояния другого человека, что противоречит мысли самого Протагора. Отсюда остается один шаг до замены «меры» «критерием». В итоге Платон переформулирует ТП так: «человек – мера всего, и белого, и тяжелого, и легкого, и всего подобного, поскольку, имея в самом себе критерий этих вещей (εχών γάρ αὐτών τό κριτήριον ἐν αὐτώ) и полагая их такими, как он их воспринимает, он полагает также, что они для него поистине существуют» (Tht. 178b, пер. Т.В. Васильевой.). «Быть мерой» истолковывается Платоном как «иметь критерий» истины в себе самом. Из этого утверждения следует, что если критерий истины находится в каждом, то у каждого своя истина. Таким образом, замена «меры» «критерием» познания позволяет опровергнуть ТП. Мысль Платона развивает Секст Эмпирик. В работах Секста понятие «меры» в ТП однозначно интерпретируется как критерий истины. Если для Платона слово «критерий» является философским неологизмом, то в эллинистический период оно становится широко используемым философским термином.

Кроме того, имеется ряд актуальных дискуссий, связанных с фрагментом Зенона 29 В 3 DK, одна из которых – это дискуссия о возможности записи сообщений о пропозициональных установках в виде отношения, среди членов которого находится и способ представления, посредством которого субъект представляет себе реальный объект (или пропозицию, или положение дел), и то, что этим способом представляется. Эта дискуссия связана с возможной корректировкой платоновского возражения на тезис Протагора *homo mensura* в Theaetetus 170c–171c. Мы исходили из того, что предложения могут пониматься не как истинные или ложные, а как такие, относительно чего они истинны и ложны, что мы называем релятивизатором. Обратимся, например, к знаменитой сентенции Протагора о человеке как мере всех вещей, к «тезису *homo mensura*» (Plato, Theaetetus 152a2–4 = 80 DK B 1). В некоторых интерпретациях тезиса *homo mensura* релятивизатором выступает тот человек, который признает истинной какую-либо пропозицию – в том смысле, что пропозиция истинна только относительно этого человека или для него, но не может быть истинной просто. Заметим, что предшественником алетического релятивизма, который, возможно, выражается в тезисе *homo mensura*, является «реляционная теория мышления», приписываемая Кристофером Шилдсом Пармениду (Shields Ch. Classical Philosophy: A Contemporary Introduction. L. and N.Y.: Routledge, 2003. P. 27). Согласно Шилдсу, Парменид признает эту теорию, поскольку признает следующий принцип (RT):

(RT) Каждый случай мышления включает в себя мыслящего, находящегося в отношении к тому, что им мыслится.

Таким образом, наш подход позволил выявить еще одну логическую связь между аргументами Зенона и Парменидом.

Возвращаясь к тезису *homo mensura* Протагора, заметим, что со временем платоновского *περιτροπή*-аргумента в *Theaetetus* 170c–171c постоянно предпринимались попытки опровержения тезиса *homo mensura*. Если мы интерпретируем тезис *homo mensura* как требование релятивизации любого изрекаемого предложения к субъекту, то этому требованию не может удовлетворять ни одно предложение, ведь исправленное предложение, в свою очередь, тоже требует исправления, и т.д. до бесконечности. В числе прочих, то предложение, в котором выражается протагоровское требование релятивизации, также не может быть признано корректным или правильно построенным предложением, удовлетворяющим требованию релятивизации.

Такая трактовка тезиса *homo mensura* означает, что наша интерпретация Зенона (см. пп. 3 плана) позволяет выявить логическую связь между двумя аргументами Зенона против множественности, тезисом *homo mensura* Протагора и попыткой опровержения этого тезиса у Платона, в *Theaetetus* 170c–171c. Эта связь опосредована тем, что платоновское опровержение Протагора, как показали современные дискуссии, нуждается в дополнении или уточнении: Платон, как кажется, некорректно выводит из положения «мнение оппонента Протагора истинно для этого оппонента» положение «мнение оппонента Протагора просто истинно» (ср. *Theaetetus* 171a). Однако платоновское опровержение Протагора может быть исправлено, если его посылки записать таким образом, что релятивизатором будет являться познающий субъект. Содержание исследования представлено в статьях:

Волкова Н.П. «Мера вещей» Протагора как критерий истины // Schole. 2019. Т. 13. Вып. 2. С. 695–704;

*Берестов И.В. Связь аргумента Зенона Элейского из 29 В 3 DK с современной семантикой и платоновским *περιτροπή* // Вестник Томского государственного университета. 2020. С. 54–63.*

Исследование также подразумевало практическую составляющую проекта, которая предполагала обширную переводческую деятельность и перевод корпуса фрагментов элеатов и софистов, рассчитанный на 3 года. В течение первого года работы предполагалось уделить фрагментам Парменида и Протагора. Задача выполнена в полном объеме: подготовлен комментированный прозаический перевод первой части поэмы Парменида «О природе» (публикация сдана в печать, выйдет в декабре 2020); подготовлена подборка свидетельств о жизни и учении Протагора (публикация сдана в печать, выйдет в январе 2020). Касательно Проэмии поэмы Парменида предлагается его детальное толкование. В числе изучаемых вопросов – проблема связи Парменида с орфикой (в особенности, космологии Папируса из Дервени), идентификация героя поэмы и богини, которая открывает ему истину, топография небесного путешествия героя поэмы, некоторые технические вопросы и др. В целом задача была продемонстрировать то, как богатый культурный и литературный контекст Проэмии помогает лучше понять те философские идеи, которые впервые высказал Парменид. Публикация перевода фрагментов Протагора включает в себя также подробный подстрочный комментарий культурологического, текстологического и философского характера, включает следующие разделы: 1. Биографические свидетельства; 2. Сочинения (включая их краткий обзор); 3. Учение. В последнем разделе особенно отмечаются методы, риторические приемы, грамматические нововведения; 4. Интерпретации. Здесь присутствуют разделы «Человек – мера», «О богах», «Миф о справедливости» и пр. Также приведена таблица фрагментов и свидетельств о Протагоре и соответствие их нумерации по разным изданиям. Результаты работы представлены в докладе «Проэмий поэмы Протагора» Е.В. Афонасина на конференции «Классическая традиция и современная философия в диалоге»

(<https://nsu.ru/classics/news/dialogue-conf-2019.pdf>), которая состоялась 23-26 октября в Новосибирске. Этот доклад лег в основание публикаций:

Афонасин Е.В. «Проэзмий поэмы Парменида» // Сибирский философский журнал. 2019. № 4. С. 157–169;

Афонасин Е.В. Протагор из Абдер. Фрагменты и свидетельства // Schole. 2020. С. 309–338.

Члены коллектива вели работу в различных исследовательских центрах.

Е. В. Афонасин был командирован в Париж для работы в библиотеке Высшей Нормальной школы (Centre Jean Pepin, <http://www.ens.fr/en/laboratoire/centre-jean-pepin-umr-8230>). Работа в библиотеке позволила выполнить значительную часть исследования, представленного в отчетном году. Прежде всего, это относится к изучению и комментированному переводу фрагментов Протагора. Неоценимыми оказались консультации проф. Люка Бриссона, автора и редактора одного из недавних и авторитетных собраний фрагментов софистов (Les Sophistes. Paris: Flammarion 2009). Именно благодаря его приглашению состоялась эта поездка. В Париже удалось принять участие в работе международного семинара «Закон и законодательство: философские перспективы с античных времен» (Legislation and lawgiving: philosophical perspectives on antiquity) (Высшая Нормальная школа, 11-12 июня).

М.Н. Вольф была командирована в Париж для участия в XII Платоновском Симпозиуме, организованном Международным Платоновским обществом «Парменид Платона» («Plato's Parmenides – Le Parménide de Platon», Париж, июль 2019 г. <https://platosociety.org/symposiumplatonicum12/>). Важными для реализации проекта были консультации с ведущими мировыми специалистами по философии Платона, участие в дискуссиях и обсуждениях самых актуальных на сегодняшний день тем по платоновской философии, знакомство с последними изданиями по античной проблематике, в том числе критическими для реализации проекта (например, Scolnikov, S. (2018) Plato's Method of Hypothesis in the Middle Dialogues. Ed. and with introduction by Harrold Tarrant. Baden-Baden.).

И.В. Берестов был командирован в Санкт-Петербург 19-29 ноября 2019 г. для работы в центральных Библиотеках Санкт-Петербурга (Библиотека Академии наук России, Российская национальная библиотека) по теме гранта (в т.ч. -- работа с зарубежными базами данных для анализа последних публикаций).

Достигнутые конкретные научные результаты в 2019 г.

В своих исследованиях мы исходили из установки, что эпистемология должна пониматься шире, чем теория познания, и в этом качестве она учитывает не только результаты, касающиеся природы знания, соотношение истины и мнения, проблемы обоснования и пр., но подразумевает решение смежных проблем из других областей, онтологических, практических, морально-этических, эстетических и в таком случае следует в равной мере говорить об эпистемологии морали, эпистемологии ценностей, добродетелей и познании моральных норм, ценностей и т.д. отличным или сходным с познанием физического мира образом. Кроме того, в основу исследований был помимо привычного нормативного подхода, были положены принципы натурализованной эпистемологии У.Куайна, согласно которым на смену традиционной модели познания, отталкивающейся от принципов и оснований математики, приходит модель эпистемологии в ее психологическом облике. Если нормативная эпистемология придерживается определенных стандартов знания, то дескриптивная показывает, как это знание приобретается, и главный ее фокус будет ориентирован на отображение процесса получения знания. При этом процесс обоснования знания тоже захватывается – и в случае обоснования знания мы также

различаем два подхода – один где знание обосновано самими базовыми принципами, соответствует стандартам, другое – где обоснованием является процедура или процесс верbalного ответа на вызов в определенном ситуативном контексте.

Вследствие этой установки мы значительное внимание уделили исследованию гипотетического метода (ГМ), который показывает, как приобретается знание, и как отображается процесс получения знания. Кроме того, ГМ берет начало в досократической философии, находит свое окончательное выражение в философии Платона, а потому может быть использован как объединяющий и унифицирующий элемент для античной эпистемологии, в тоже время позволяющий зафиксировать этапы ее трансформации.

Показано, что на конец 20-го века установился некоторый консенсус в отношении ГМ, однако основные проблемы, связанные с ним, не были решены. Главными участниками дискуссии были обозначены Р. Робинсон, С. Скользников, В. Карасманис. Консенсус, как показано, не решает следующих проблем: что такое гипотеза, – это – а) суждение, которое следует доказать (доказательство истинности самой гипотезы), или б) суждение, которое доказывает нечто иное; какова роль процедуры «гипотизирования высших гипотез»; какое направление рассуждения в ГМ верно: «вниз», от гипотезы к тезису, который будет отражать решение проблемы и, в случае, если проблема будет решена, а не только эксплицирована, будет отражать некоторую истину, и «вверх», от низших гипотез к высшим, кандидатам на первые принципы. Тогда гипотеза – это а) предпосылка, которая предшествует выводу, который дан готовым, или б) дедуктивная демонстрация, из которой выводятся следствия, проверяемые на непротиворечивость.

Делается вывод о том, что исследование ГМ нельзя считать исчерпавшим себя или зашедшим в тупик. Если мы хотим понять как реализуется и эволюционирует античная эпистемология, то обойти вопрос о гипотетическом методе и сопряженных с ним проблемах не получится, поскольку у него есть собственная исключительная познавательная и поисковая функция. ГМ – это метод, который создавался под конкретную задачу, а именно познание неизвестного, сопровождающееся некоторой проблемой, для тех случаев, когда поиск неизвестного осуществляется на основании гипотезы, которая, в свою очередь, недоказуема, непроверяема и не самоочевидна. Понятно, что такого рода задачи имеют исключительное применение в философии, а гипотетический метод становится специфической модификацией философского поиска. В таком случае, такие технические вопросы, которые мы будем ставить перед методом – как на его основании осуществляется поиск (что определяется его структурой) и каков будет результат (скептический или конструктивный), от которого зависит итоговое понимание целей (внешних и внутренних) метода – во многом будут определять и нашу эпистемологию.

Соотнося эпистемологию досократиков (в первую очередь элеатов) и софистов с пришедшей ей на смену эпистемологией Платона, мы соотнесли некоторые аргументы и подходы, используемые в обоих версиях эпистемологии и внутренние дискуссии между элеатовской и платоновской программами на примере некоторых положений Зенона, Протагора и Платона.

При исследовании вопросов, касающиеся аргументов Зенона Элейского против движения и против множественности сущего, использующих бесконечный регресс, было показано, что для их понимания недостаточно учитывать только наиболее очевидные и естественные интерпретации. Анализ менее очевидных интерпретаций позволил нам увидеть, что некоторые проблемы с семантикой сообщений о пропозициональных установках возникают из-за регресса, родственного регрессу у Зенона. Это позволило нам указать на необходимость пересмотра сложившегося понимания философской значимости 29 В 3 DK. Было показано, что мы уже не можем сказать, что эти аргументы более не представляют интереса из-за того, что Зенон не учитывал такие соображения, как наличие бесконечного числа точек, лежащих на отрезке, не является доводом против существования этого отрезка, и что возможна топология, в которой размерность отрезка, на котором лежит несчетное бесконечное множество точек, не равна 0.

Было продемонстрировано, что интерпретация доказательства из 29 В 3 DK связана со следующими актуальными дискуссиями:

(а) о возможности такого отношения, что среди вещей, соотносимых им, находится само это отношение;

(б) о возможности записи сообщений о пропозициональных установках в виде отношения, среди членов которого находится и способ представления, посредством которого субъект представляет себе реальный объект (или пропозицию, или положение дел), и то, что этим способом представляется;

(с) о возможности особого языка мысли, сопровождающего наши акты мышления, а также, шире говоря, о выразимости мысли в языке.

Было доказано, что современные интерпретаторы сходятся на том, что в 29 В 3 DK доказательство использует регресс, но регресс, который генерируется в данном фрагменте - банальный и безвредный регресс точек, дихотомически делящих отрезок. Поскольку используемый здесь регресс безвреден, то тезис, который по мнению Зенона, он доказал посредством данного регресса (что множественное сущее невозможно), по сути остается недоказанным. Кроме того, в таком виде доказательство Зенона представляется для современной философии неинтересным и банальным. Однако мы показываем, что эта трактовка не является единственной, и предлагаем некоторые другие интерпретации, которые делают данный аргумент Зенона актуальным.

Мы предложили более доброжелательную по отношению к Зенону трактовку 29 В 3 DK, чем трактовка современных исследователей. В соответствии с нашей трактовкой, здесь генерируется порочный регресс конституент сложного объекта, объединяющих предшествующие конституенты в единый объект. Нами было показано, что доказательство тезиса Зенона о невозможности для сложного объекта существовать / мыслиться в нашей трактовке оказывается вполне валидным - даже в соответствии с современными требованиями К. Граттона к доказательствам через бесконечный регресс, поскольку требование К. Граттона о необходимости доказать недопустимость осуществления бесконечной последовательности может быть удовлетворено с помощью строгого рассуждения, лежащего в основе Парадокса Бурали-Форти, в котором обосновывается невозможность существования множества всех ординалов.

Мы установили, что аргументы Зенона имеют значение не только для онтологии, а для всех областей философии, где используются сложные объекты. Например, атаке подвергается, помимо прочего, сложный объект, состоящий из субъекта, его интенционального акта и интенционального объекта. Также атакуется субъект, имеющий различные восприятия и связывающий восприятия в единый объект, и проч. Это означает, что критика сложных объектов у Зенона является атакой на теории когнитивных и интенциональных актов, а также на эпистемологические теории, поскольку, подрывая возможность любого интенционального акта и любой пропозициональной установки, также подрывает и возможность знать что-либо.

В нашей альтернативной или нестандартной интерпретации множественный объект не рассматривается как континуум или как плотное множество. Вместо этого, в ней утверждается, что сложный объект, содержащий конституенты произвольной природы, содержит также и то, что их связывает, соединяет в одно целое, то, благодаря чему сложный объект является чем-то одним, причину единства его конституент. Это связывающее нечто и исходные конституенты, в свою очередь, нуждаются в другом связывающем, отличном от первого, чтобы придать единство сложному объекту, второе связывающее нуждается в третьем связывающем, чтобы связать его с первым связывающим и с исходными конституентами, чтобы придать единство сложному объекту, и т. д. до бесконечности. В случае такой интерпретации у нас есть возможность гораздо более внятно, чем просто ссылкой на невозможность бесконечного множества или невозможность выполнения бесконечной последовательности действий или условий, объяснить невозможность существования сложного объекта.

Предложенная интерпретация Зенона позволяет выявить логическую связь между двумя аргументами Зенона против множественности, тезисом *homo mensura* Протагора и попыткой опровержения этого тезиса у Платона, в *Thet.* 170c–171c. Эта связь опосредована тем, что платоновское опровержение Протагора, как показали современные дискуссии, нуждается в дополнении или уточнении: Платон, как кажется, некорректно выводит из положения «мнение оппонента Протагора истинно для этого оппонента» положение «мнение оппонента Протагора просто истинно» (ср. *Thet.* 171a). Однако платоновское опровержение Протагора может быть исправлено, если его посылки записать таким образом, что релятивизатором будет являться познающий субъект.

Мы показали возможность интерпретации понятия меры в известном тезисе Протагора (ТП) «человек есть мера всех вещей» как критерия познания, продемонстрировали, как постепенно формировалось понятие «мера» и трансформировалось посредством критики Платоном т.н. «тайного учения» Протагора в важное для скептической философии понятие критерия истины у Секста Эмпирика, по сути берущее начало в релятивистском тезисе.

Прежде всего, мы отметили невозможность говорить о релятивизме просто, не уточняя, о какой версии релятивизма идет речь. Релятивизм представляет собою сложное явление, включающее в себя множество разновидностей (этический, онтологический, эпистемологический, перцептивный, эстетический и другие). Без учета этих вариантов невозможно корректно ответить на вопрос о сущности протагоровского релятивизма. Именно множественные трактовки релятивизма в приложении их к тезису Протагора позволили понять, как формируется т.н. «тайная доктрина Протагора» (ТДП), сформулированная Платоном в «Теэтете», которая по факту содержит в себе не только теорию бытия–движения, но и соответствующую ей теорию познания.

Были уточнены выводы из ТДП, они следующие: 1) ничто не существует как одно само по себе, но всегда возникает в отношении к чему-то (*Thet.* 157 b1), 2) само понятие существования нужно изъять, поскольку оно не соответствует природе вещей, 3) нельзя говорить «это», «ничто», «мое», вообще нельзя пользоваться именами, которые описывают вещи статически. Быть значит становиться, причем не просто становиться самому по себе, но становиться всегда по отношению к чему-то. То, по отношению к чему происходит становление, в свою очередь тоже становится в отношении первого. А значит, исчезают причинно-следственные связи. Таким образом, в ТДП имеет место не только эпистемологический, но и онтологический релятивизм.

Платон предпринимает множество различных по своей силе и серьезности попыток опровергнуть ТДП. Мы выделили три группы аргументов. Первая группа аргументов направлена против выразимости онтологии потока средствами языка. Вторая группа аргументов направлена против теории познания, отождествляемого с ощущением. Третья группа аргументов наиболее важна для нашего исследования, и она направлена против доктрины истины. Платон выявляет скрытое противоречие в ТП: если я судья всем существующим для меня вещам, что они существуют, и несуществующим, что они не существуют, тогда никто не может судить о состоянии другого (*Thet.* 160c). Если никто не может судить о чужом состоянии, то почему суждение Протагора может быть истинно для другого человека? Отсюда остается один шаг до замены меры критерием. Тем не менее Платон находит способ реабилитировать ТП, ссылаясь на то, что сам Протагор не отрицал возможность экспертной оценки различных состояний воспринимающего.

В итоге Платон переформулирует ТП так: «человек – мера всего, и белого, и тяжелого, и легкого, и всего подобного, поскольку, имея в самом себе критерий этих вещей и полагая их такими, как он их воспринимает, он полагает также, что они для него поистине существуют» (*Thet.* 178 b3). Быть мерой истолковывается Платоном как иметь критерий истины в себе самом. Но эта формулировка возвращает нас к первому возражению. Если критерий истины находится в каждом, то у каждого своя истина, а так быть не может и сам Протагор с этим согласен. Следовательно, ТП опровергнут:

не всякий человек – критерий истины. Мысль Платона развивает Секст Эмпирик. Именно он приравнивает меру в ТП к критерию.

Таким образом, ТП встраивается в хорошо известный в эллинистической философии контекст вопроса о критерии познания. В трактате «Против ученых» в разделе «О критерии истины» Секст разбирает историю этого вопроса. Одни философы признают критерий истины, другие – отвергают. По свидетельству Секста, некоторые – он называет последователей Протагора софистов Евтидема и Дионисиодора – относили Протагора к тем, кто критерий отвергает. Потому что если все мнения оказываются истинными для воспринимающего, то истина принадлежит к категории относительного, а значит не может быть никакого критерия различия истины и лжи или бытия и небытия.

В практическом плане начата работа по подготовке нового комментированного издания корпуса фрагментов элеатов и софистов. В течение первого года работы над проектом основное внимание было уделено таким ключевым фигурам, как Парменид и Протагор. Подготовлены новые комментированные переводы основных свидетельств о жизни и учении философов, начата работа над систематическим изучением дошедших до нас фрагментов их учения. В основу перевода будут положены и учтены при комментировании полученные теоретические результаты. Этот перевод лег в основание последующей детальной интерпретации эпистемологии Парменида и эволюции его учения и рецепции в последующей философской традиции. Кроме того, подготовлена подборка свидетельств о жизни и учении Протагора и начата работа над аналитическим комментарием к его учению.

По итогам работы в 2019 году коллектив подготовил 5 статей. Члены коллектива приняли участие в четырех конференциях, две из которых были организованы усилиями коллектива.